

*Всем, кто считал или считает себя невзрачным,
заурядным и ничем не примечательным.
Вы неповторимы и прекрасны
своей неповторимостью*

Пролог

1817 год

Если отец Хью и научил чему-нибудь своего сына, так это сохранять хорошую мину при плохой игре.

К несчастью, о том, насколько плохи его дела, Хью узнал лишь после смерти своего родителя. Ничто, как говорится, не предвещало беды. Джошуа Деверо, шестой граф Гастингс, по всеобщему мнению, ходил у судьбы в любимчиках. Никакие козни врагов или происки злоумышленников не могли испортить ему настроение. Постоянно доброе расположение духа, прекрасно подвешенный язык и незлобивое остроумие снискали ему расположение и тех, кто был ему ровней, и тех, в чьем покровительстве он нуждался. Ему снисходительно прощали то, что не прощалось другим. Джошуа благоволили и стар, и млад. Легендарный бонвиван и весельчак, он сумел найти путь к сердцу своего сурового — самых строгих правил — деда и экономного (чтобы не сказать прижимистого) отца. В то время как его достойные предки, считавшие своим священным долгом преумножение семейного богатства, женились исключительно на наследницах с богатым приданым, Джошуа не только женился по любви на красивой бесприданнице, но и добился родительского благословения на этот брак. К тому же графский титул и родовые поместья вкупе со всем прочим богатством

достались Джошуа в то время, когда он был еще молод, хорош собой и полон сил. В общем, Джошуа Гастингс не зря считался едва ли не самым удачливым наследником во всей Британской империи.

Хью, сын Джошуа, вырос с сознанием того, что ему очень повезло с отцом — повезло, как никому другому. У Хью, в отличие от большинства молодых людей его круга, были самые теплые отношения с родителями: и мать, и (что было очень большой редкостью) отец вплотную занимались его воспитанием. Хью был с рождения окружен родительской любовью. Его мать неизменно была добра и нежна с ним, но отец был еще и умен, отважен, ловок и никогда не выходил из себя. Если мать бранила Хью за шалости, нередко заливаясь при этом слезами, то отец, лишь похлопав сына по плечу, уводил его погулять по живописным окрестностям. «Что сделано, то сделано, — говорил Джошуа. — Что толку себя казнить? Выше нос — и вперед».

Лишь после смерти отца Хью открылась горькая истина: добродушие и добродетель отнюдь не одно и то же. Джошуа очень любил свою жену и детей и ни в чем им не отказывал. Джошуа и себя ни в чем не ограничивал и не учил разумной экономии своих домочадцев. Хью воспринимал как должное то, что в будущем он станет хозяином обширных поместий, но Джошуа не считал нужным учить сына вести гроссбух, сводить дебет с кредитом — и даже ни разу не показал, как это делается. Все знали, что граф не отличается бережливостью, не осуждая, впрочем, его за мотовство, но об истинном — и весьма плачевном — положении вещей стало известно лишь после его смерти в возрасте пятидесяти восьми лет от несварения желудка, если верить заключению домашнего доктора.

Однако же, как два дня спустя заключил Хью, в могилу отца свело скорее чувство вины. Джошуа, в отличие от своего отца, деда, прадеда и прочих предков, накапли-

вавших богатство, довольствуясь малым, умел лишь тратить накопленное. И он, увы, промотал все — включая приданое дочерей и вдовью долю наследства. Джошуа не только не предпринял ровным счетом ничего, чтобы сохранить доставшееся ему богатство, но и щедро одаривал всех своих друзей, давал займы без расписок, не требуя возврата, приобретал произведения искусства, не озадачиваясь их подлинностью, а также делал баснословные ставки на бегах и за карточным столом. И так продолжалось до тех пор, пока от одного из самых больших состояний в Британии не осталось ровным счетом ничего. О том, что шестой граф Гастингс банкрот, не знала ни одна душа.

— Хорошая новость состоит в том, милорд, что проценты по кредитам не слишком высоки, — добавил поверенный в делах отца. Слабое утешение, однако!

Сжатые в кулаки пальцы Хью успели онеметь за тот час, что мистер Сойер, поверенный отца, вводил его в курс дела.

— Выходит, я владею роскошным поместьем, но на его содержание у меня нет ни фартинга? — пробормотал Хью.

— Сказано весьма резко, но, по сути, так оно и есть, — немного поколебавшись, ответил мистер Сойер.

Хью разжал кулаки и, растопырив пальцы, уперся ладонями в стол — в прекрасный стол, сработанный скорее всего самим Томасом Чиппендейлом по заказу деда Хью, пятого графа Гастингса. Дед старался приобретать вещи только высшего качества. Хью страшно хотелось выругаться, но он лишь спросил:

— Какая часть поместья является майоратной?

— Все ваше поместье целиком и полностью заповедное, — повеселев, сообщил поверенный. — А все документы, подтверждающие ограничительные условия наследования, в полном порядке.

— Из чего следует, что я не могу ни пяди своей земли продать, — со вздохом заметил Хью.

Мистер Сойер замялся и промычал нечто невразумительное, но тут же с оптимизмом добавил:

— Зато вы молоды, полны сил и, уж простите за откровенность, хороши собой. В нашей стране найдется немало богатых невест, которые сочтут за счастье...

Хью резко встал, едва не перевернув стул, на котором сидел (тоже, кстати, сработанный легендарным Чиппендейлом).

— Иными словами, — процедил он сквозь зубы, — я должен делать то, чего никогда не делал мой отец: экономить каждый шиллинг и жениться на деньгах.

— Это было бы весьма разумно, сэр, — деликатно кашлянув, согласился поверенный.

— Вон! — крикнул Хью, указав мистеру Сойеру на дверь. — Пошел вон!

Мистер Сойер в недоумении заморгал и стал поспешно собирать разложенные на столе документы.

— Да, милорд. Конечно, милорд, — пробормотал он. — Всегда к вашим услугам. Как только вы...

— Вы уволены. Больше сюда не приходите.

Мистер Сойер побелел, но спорить не стал. Хью же, вне себя от ярости, смотрел ему вслед. Сойер знал — не мог не знать! — что покойный граф тратил куда больше, чем мог себе позволить. Знал, но не думал его останавливать! Он мог хотя бы предупредить Хью о том, что происходило, но не сделал и этого.

А знала ли об их бедственном положении мать? Графиня пребывала в глубоком трауре. Каждый день она пролиwała слезы по покойному мужу, из-за чего глаза ее постоянно были воспалены. Родители Хью были на редкость счастливы вместе, и теперь, вспоминая, как ласково подшучивал над матерью отец и с каким обожанием она смотрела на Джошуа, Хью понял, что у него, возможно,

не хватит духу рассказать матери о том, что ее покойный супруг, по сути, предал их всех — и ее, и дочерей, и сына. Впрочем, при всей своей преступной беспечности, Джошуа не был злонамеренным негодяем — он действительно любил свою жену, потому не хотел ее огорчать. Следовательно, именно эта «приятная» задача теперь стояла перед Хью.

Бедная графиня! Что будет с ней, когда она узнает, что лишилась не только любимого мужчины, счастья всей ее жизни, но и стабильности, и достатка, и, возможно — даже крыши над головой, потому что на те средства, что оставил отец, невозможно содержать родовое поместье Гастингс. О доходах с поместья и речи не шло: отец не только годами растрачивал деньги, но и палец о палец не ударил для того, чтобы принадлежавшие ему земли приносили прибыль. Поместье радовало глаз просторными зелеными газонами, ухоженными парками с лабиринтами из живой изгороди, прудами с лилиями и нарядными беседками. Ни скучных пастбищ, ни ячменных полей, ни, конечно, уродливых угольных шахт. Ничего, что могло бы принести хоть какой-то доход. Когда Хью спросил у отца, почему соседние поместья выглядят совсем не так, как Гастингс, Джошуа со смехом сказал:

— Но нам-то скучно кататься верхом вокруг пшеничных полей! И все эти фермы так безобразны!..

Хью тогда не только удовлетворился таким ответом, но еще и почувствовал гордость за отца, обладавшего отменным вкусом. И сам Хью тоже с удовольствием любовался окрестностями, катаясь верхом по не тронутым плугом просторам, покрытым цветущим вереском.

Гастингс ждали большие перемены, назревшие уже давно. Однако же... Чтобы сделать поместье доходным, следовало вложить в него немалые средства, которых у Хью не было.

Стук в дверь отвлек его от невеселых раздумий. Не дожидаясь ответа, в комнату проскользнула Эдит, сестра Хью, и спросила

— Вы закончили? Я видела, как уходил мистер Соьер.

— Да, он ушел, — со вздохом сказал Хью, и добавил про себя: «И черт бы с ним».

Эдит подбежала к брату и, участливо заглядывая в глаза, прикоснулась к его плечу.

— Он и в самом деле такой мерзкий?

— А разве все они, нотариусы, не одним миром мазаны?

Эдит рассмеялась, но тут же, спохватившись, погрустнела и пробормотала:

— Как жаль, что папа умер...

— Да, жаль. — Хью обнял сестру и поцеловал в макушку.

Эдит была красивой миниатюрной девушкой — такой же хрупкой, как мать. Как воспримет Эдит весть о том, что они разорены? Наверное, и отец, задаваясь тем же вопросом, посчитал, что должен оградить их от суровой правды жизни. И Хью решил поступить так же. «Пусть пока поживет в счастливом неведении», — сказал он себе.

Если бы отец не умер, что было бы с ними? Хью со вздохом прикрыл глаза. Ответ очевиден: имение было бы перезаложено, и долги стали бы совсем уж неподъемными. Протяни отец еще лет пять или десять, и он, Хью, оказался бы в куда худшем положении, чем сейчас. И, так же как и сейчас, неожиданно-негаданно...

— Мама вот уже час как плачет перед портретом отца, — тихо сказала Эдит. — Мы можем как-нибудь ее отвлечь? Может, поедem в Розмари?

Розмари, поместье в Корнуолле с его пасторальными пейзажами и тихой неброской красотой, безусловно, могло бы исцелить графиню от тоски и боли. Розмари было любимым поместьем отца, которое он когда-то пе-

рестроил — за сумасшедшие деньги — и назвал в честь матери Хью. Если графиня и могла где-то обрести покой, то только там.

Но на содержание Розмари требовалась огромная сумма. Мистер Сойер ознакомил Хью со счетами, выставленными за прошлый год, и у Хью волосы встали дыбом. Лучшее, что можно было сделать в такой ситуации, — это заколотить двери и окна дома, оставив особняк пустовать до лучших времен (пока не найдутся арендаторы), а самим поселиться там, где расходы поменьше.

По иронии судьбы этим самым экономным местом оказался их лондонский дом. Отец не любил Лондон, и потому Гастингс-Хаус возле площади Сент-Джеймс являлся сравнительно скромным жильем. Последние несколько лет его сдавали внаем, но сейчас он, к счастью, пустовал. Отправляться во время траура в Лондон не хотелось никому из них, но обе сестры Хью уже почти вошли в брачный возраст и были готовы к первому выходу в свет, если, конечно, Хью сможет обеспечить им достойный дебют. Если Эдит и Генриетта удачно выйдут замуж, их брату не придется волноваться за будущее сестер — одна гора с плеч. Разумеется, чтобы это стало возможным, придется скрыть от окружающих истинное финансовое положение семьи, а сделать это будет очень непросто.

Но имелся и еще один довод в пользу Лондона — весьма важный, если не решающий. Хью получил типичное аристократическое воспитание — то есть не имел никаких практических навыков. Правда, он отлично разбирался в карточных играх, однако, в отличие от отца, не был азартным игроком. Если трудиться аристократу не позволяли приличия, то в карты играть не только не возбранялось, но даже предписывалось, так что Хью, делая скромные ставки, вполне мог бы несколько поправить финансовое положение своей семьи. Игорных заведений

в Лондоне было более чем достаточно, и Хью подумал, что мог бы с помощью игры продержаться на плаву свою семью хотя бы до той поры, пока он не женится на богатой наследнице. А жениться по расчету придется так или иначе — отец не оставил ему выбора. Даже если продать всю мебель и все картины, надолго вырученных денег не хватит. Он должен найти богатую невесту — чем богаче, тем лучше. А где искать такую, если не в Лондоне?

— Нет, сестренка, в Розмари мы не поедем. Мы едем в Лондон, — решил Хью.

Глава 1

Гринвич, 1819 год

Элизабет Кросс с раннего детства воспитывалась как будущая леди и хозяйка дома. Мать ее умерла, когда Элизабет было три года. Умерла, рожая дочери братика, которого та так просила. Через неделю после смерти Сюзанны Кросс умер и ее крошечный сын, которого Элизабет нарекла Флопси. Повзрослев, она узнала, что мальчика на самом деле назвали Фредерик — в честь деда, но тогда девочка оплакивала Флопси и маму (и тогда же она отдала мертвому братику свою самую любимую игрушку, и его похоронили вместе с ней). С тех самых пор их было только двое — Элиза и папа.

Папа был, как правило, очень занят, но главным смыслом его жизни всегда была и оставалась дочка. Он хотел, чтобы она получала все самое лучшее, и делал для этого все, что мог: только бы Элиза научилась всему тому важному и необходимому, чему ее могла бы научить мать.

«Ты должна быть настоящей леди — как твоя ма-тушка», — постоянно повторял он, хотя покойная миссис Кросс была всего лишь дочерью баронета, поэтому не могла считаться урожденной леди.

В детстве Элиза все время боялась ударить в грязь лицом; когда же она в тревоге спрашивала у отца, удастся ли ей превращение в настоящую леди, отец неизменно отвечал, что она молодец и все делает правильно.

Элиза училась всему старательно: сначала — у гувернантки, потом — у учителей в академии миссис Эптон для юных леди, а затем — у своей компаньонки, перед которой отец поставил задачу ввести Элизабет в высшее общество. К девятнадцати годам у нее не осталось сомнений: в том, что касается составления букетов, меню или выбора нарядов, она может дать фору любой герцогине. И разливать чай она умела ловко, как никто другой.

Но при этом Элизабет нисколько не сомневалась в том, что лондонское высшее общество, которое так стремился впечатлить ее отец, никогда не будет считать ее своей. Отец нажил свое баснословное состояние на военных заказах — Британский флот остро нуждался в пеньке, железе и свинце, и Кросс держал нос по ветру и не упускал удачу, плывущую ему прямо в руки. Элизабет была богатой наследницей, и именно это — вкупе с немалым приданым — поднимало ее в глазах потенциальных женихов; что же касается всех прочих ее достоинств, то они, по мнению девушки, не очень-то интересовали мужчин.

Для того чтобы привлечь жениха из числа титулованных аристократов, брак с которым поднял бы ее до тех высот, о каких мечтал отец, были необходимы три вещи — красота, связи и деньги. Элиза понимала, что не красавица, и никаких связей в аристократических кругах у нее не было. Зато деньги-то у нее имелись, так что Элизабет точно знала: даже если она так и не выйдет замуж и не посетит ни один бал, у нее всегда будет самое главное: крыша над головой, еда и возможность достойно содержать свою собаку.

Собака считалась даже важнее, чем все остальное. Вилли был еще щенком, когда Элиза нашла его, возвращаясь пешком из деревни. Он был тогда крохотным черно-белым меховым комочком, что прятался под кустом форзиции, но стоило Элизе опуститься на колени

и протянуть к нему руку, как он потянулся к ней, ткнулся мордочкой в ее ладонь и в блаженстве зажмурился, когда она его погладила. Элиза тотчас влюбилась в щенка, когда несла домой, придумывала для него наиболее подходящее имя.

Но отец был не в восторге от ее находки и лишь единожды взглянув на щенка, пренебрежительно бросил:

— Дворняга.

— Он еще совсем крошка и такой... милый, — сказала Элиза.

Щенок ритмично забил хвостом и устроился поудобнее у нее на руках. А она поцеловала его в лоб и улыбнулась.

— А что, если его будут искать? — пробурчал Кросс.

— Никто за ним не придет. Он ждал меня, — ответила Элиза и, не дожидаясь разрешения отца, вышла из комнаты со щенком на руках.

Когда ее позвали на ужин, найденыш был уже вымыт, накормлен и обеспечен мягким местом в плетеной корзине в спальне хозяйки, рядом с ее кроватью.

Элиза с детства привыкла вести домашнее хозяйство, стараясь обустроить их с отцом быт как можно лучше. Но она научилась руководить не только слугами — отец предпочитал не перечить ей, и Элиза почти всегда добивалась от него всего, чего хотела. Вилли поселился в их доме, и отец ни разу не обмолвился о том, что хотел бы от него избавиться.

С появлением в доме щенка Элизе зажилось лучше прежнего. Отец часто уезжал из дома по работе — и не только. Он был все еще довольно молод и крепок, и Элиза знала, что у него есть женщина на содержании. Впрочем, ее это вполне устраивало. В такие дни она становилась полноправной хозяйкой в доме и была абсолютно свободна в своих действиях. Каждые две недели Элиза ездила в Лондон за покупками и для того, чтобы попить чаю со